

Г. Козлов

К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР

Вопросы денежной политики снова начинают привлекать общее внимание. Еще совсем недавно считалось как бы бесспорным, что высокие темпы роста денежной массы были свойственны лишь восстановительному периоду, что годы реконструкции должны сопровождаться резким их уменьшением. Однако все планы эмиссии последних лет были превзойдены — денежная масса в стране значительно увеличилась. Это снова вызвало горячее обсуждение вопросов нашей денежной политики. Но оценка состояния денежной системы, методы и способы лечения, если они нужны, не могут быть достаточно обоснованы без анализа природы наших денег. Между тем, мы можем решительно утверждать, что все характеристики нашего денежного обращения исходили все время из того неверного положения, что наши деньги суть настоящие деньги, — ни что иное, как та самая, древняя категория денег, которая существует уже не менее тридцати столетий.

Даже марксисты, исследовавшие природу наших денег, не смогли притти ни к какому иному выводу, что та же „прежняя архибуржуазная категория денег служит техническим средством в процессе социалистического хозяйственного строительства“ (Леонтьев и Хмельницкая — „Очерки переходной экономики“, стр. 330). Но если это „старая архибуржуазная категория“ продолжает существовать, несмотря ни на какие успехи планового хозяйства, то, что удивительного, если по всякому поводу ряд экономистов то находит у нас инфляцию, то рекомендует старые испытанные способы борьбы с ней, то предсказывает „светопреставление“, если темп прироста денежной массы увеличится еще на один процент.

Деньги суть ни что иное, как всеобщая эквивалентная форма стоимости, наиболее развитое и яркое выражение общественных отношений между товаропроизводителями и существеннейший элемент во всем стоимостном регулирующем механизме.

Познать судьбы денег у нас — это анализировать судьбы стоимости, это выяснить трансформацию регулирующего начала нашей экономики.

Эпоху военного коммунизма, этот своеобразный период с его законами военно-потребительского регулирования хозяйства, мы здесь

можем оставить вне рассмотрения. Это „пред'история“, „История“ перерождения стихийного регулятора в плановый начинается с введения новой экономической политики. Исходный момент здесь характеризуется значительным удельным весом в экономике страны мелко-товарного крестьянского хозяйства, при наличии в государственном секторе разрушенной крупной промышленности. Свобода торговли, развязывание рынка, при этих условиях, не могли не привести к господству стихийных закономерностей. Жесткое планирование эпохи военного коммунизма уступило место стоимостному регулированию. Но это не было господство закона стоимости в его чистом виде. В производстве и на рынке выступал ряд „автономных товаропроизводителей“. Однако они делились на различные по своей экономической и социальной природе группы. Если, с одной стороны, мы имели действительно „независимых“ производителей — крестьян, капиталистов, ремесленников, то, с другой — в ряду товаропроизводителей и товаропродавцов выступали государственные предприятия и учреждения. Здесь уже не было полной „независимости“. Они выступали (в начале, правда, в очень слабой степени) как элементы одного обобщественного целого. Отсюда возникало противоречие между законом стоимости — его стихийной природой и природой части регулируемых им предприятий. Оно не могло не приводить к некоторым ограничениям его действия с самого начала. Развитие этого противоречия должно было привести к уничтожению закона стоимости. Но тогда могла быть лишь слабая модификация этого закона. Отсюда и роль товарной формы мало чем отличалась от ее роли в товарном хозяйстве. Вещная связь между товаропроизводителями полностью выражала те отношения, когда связь может существовать только через вещи. Элементы нарушения этого типа связи были очень слабы. Но наличие отмеченного противоречия было достаточно, чтобы из стоимости зародился план, как особая форма регулятора. В этом отличие советского хозяйства от монополистического капитализма, где частичное ограничение стоимостных закономерностей не ведет к их уничтожению, а, наоборот, расширяет поле их деятельности и силу их проявления. У нас же простой рост производства, где все преимущества оказываются на стороне обобщественных предприятий — „товаропроизводителей“, переводит хозяйство на следующую ступень. Простой рост производства на основе закона стоимости приводит к усилению на рынке государственных предприятий и к усилению противоречий между характером регулирования и его объектами. Потенциальные возможности плановой связи благодаря росту этого противоречия начинают проявляться в действительности. Количественный рост продукции государственных предприятий делает значимым для всего хозяйства их политику цен. Кладется начало замены товарной формы, как формы вещной связи, другим типом связи. Но плановое начало здесь только зарождается, система равновесия хозяйства на основе плана еще не складывается, как прямо антагани-

стическая по своему существу системе стихийного равновесия. Наоборот, хозяйственные пропорции, намечаемые планом, в основном совпадают с пропорциями, складывающимися на основе стихийных закономерностей. План использует закон стоимости, старается действовать в его рамках, но план уже осознает себя, как регулирующую силу и отсюда через использование своей собственной базы — командных высот и обобществленной части хозяйства — план вносит коррективы в действие закона стоимости. Однако, в основном, дело сводится не столько к созданию новых пропорций, сколько к предвосхищению стихийных закономерностей, к ускорению всего темпа развития. На этом этапе мы имеем дело не столько с планом в действии, сколько с подготовкой к этому, ростом осознания пролетариатом своей роли, как субъекта регулирования всего хозяйства.

Дальнейший рост материального производства, расширение базы как планового начала, и так стоимостного ведет к усилению противоречия. Обобществленный сектор вырастает в такую силу, которая могла бы уже диктовать свои пропорции, свой тип равновесия народного хозяйства. Если раньше этому сектору приходилось считаться еще со старым капиталистическим распределением средств производства, со старым размещением основного фонда хозяйства, то сейчас он может приступить к перемещению этих основных фондов, к их распределению на новой основе.

Рост силы обобществленного сектора дает возможность в более широком масштабе использовать ту эволюцию товарной формы (внутри этого сектора, прежде всего), которая уже началась на предыдущем этапе. План материально и организационно укрепился, превратился в силу, которая способна решать направления всего хозяйственного развития. С другой стороны, рост материальной базы в частном секторе развивает скрывающиеся и в нем потенции: просто — стоимостные закономерности начинают заменяться все в большей мере капиталистическими. Если раньше не было антагонизма между планом и стоимостью (мы имели дело просто с двумя противоположными, но дополняющими друг друга элементами) и вследствие слабости плана, и вследствие того, что мы не столько имели дело с превращением стоимости в капитал, сколько продукта в товар, то теперь в новой обстановке начинается решительная борьба между планом и стоимостью за направление развития, за тип пропорциональности народного хозяйства. Борьба эта не может не кончиться победой плана. Закон стоимости пытается здесь противодействовать плану по двум направлениям: с одной стороны, через рыночный механизм он пытается воздействовать на обобществленный сектор, урвать большую долю национального дохода и распределить ее по-своему, с другой — если отношения складываются к невыгоде частного сектора, он действует через сокращение материального производства. Однако действию стоимости посред-

ством рыночного механизма план противопоставляет не только свое влияние на рынок, но и ряд других рычагов перераспределения народного дохода, которыми он в достаточной мере овладел (всевозможные налоговые и налогообразные изъятия, финансирование). Сокращению материального производства он противопоставляет силу своих ресурсов и организованного воздействия.

Одновременно с этим, происходит дальнейшее перерождение товарной формы. В обобществленном секторе она все больше лишается своего содержания. Попытка плана реализовать свои потенции, повернуть все народное хозяйство на путь своих пропорций, не может не означать кризиса товарной формы и в стихийном секторе. Эта форма полностью приспособлена к типу материальных закономерностей этого сектора. Прямая попытка нарушить их не, может не означать известного покушения и на существо вещной оболочки.

Руководящая роль плана имманентно присуща хозяйству переходного периода. Но она реализуется не сразу. Через простой рост материального базиса обобществленного сектора, через использование стоимостных закономерностей, их предвосхищение, через борьбу с капиталистическим вырождением закона стоимости лежит дорога плана к победе.

Старую формулу о том, как из стоимости рождается капитал, история дополняет другой — как из стоимости рождается план.

Значение плана как регулятора, выражается, прежде всего, в том, что он способен реализовать свои пропорции в хозяйстве, что он создает свой тип равновесия. Стоимость здесь по отношению к плану в принципиально отличном положении по сравнению с предыдущими этапами. Если раньше план шел по пути стоимостных закономерностей, то сейчас, на оставшемся участке их господства, план создает такие условия, при которых стоимостные закономерности идут в основном по руслу плановых тенденций.

Раньше народнохозяйственные пропорции, в основном, складывались на основе стихийных законов. План мог их лишь корректировать. Сейчас они складываются на основе сознательного регулирования. Стоимость уже неспособна реализовать присущий ей тип равновесия. Она лишь может слегка „портить“ план.

Если раньше мы говорили о том, что план модифицирует закон стоимости, то сейчас отношения перевернулись — стоимость может лишь модифицировать план. Ее регулирующая роль во всем хозяйстве закончена. По существу, следовательно, только теперь и начинается окончательная ликвидация закона стоимости. Отсюда, роль товарной формы совершенно меняется. Она становится все больше вещной оболочкой лишенной своего прежнего содержания.

Товар не просто продающийся, а прошедший предварительно через систему прямого распределения уже на 95% лишился своих свойств товара. Движение товарных масс и в стихийном секторе

начинает носить черты все большей плановости, хотя это и является не результатом проявления внутренних сил этого сектора, а результатом воздействия на него обобществленного. И здесь начинается решительное перерождение товарной формы. Только теперь это перерождение формы для стихийного сектора начинает становиться в значительной мере равносильным перерождению содержания. Раньше этого не могло быть поскольку некоторым изменениям товарной формы совершенно не соответствовали качественные изменения в направлении движения. Модификация формы могла даже сопровождаться развитием движения отдельных частей стихийного сектора в антагонистическом к плану направлении. Сейчас план празднует победу, так как движение в одном направлении уже начинает идти одновременно с двух концов. Но это победоносное шествие плана не означает, что стоимостные отношения уже вообще ликвидированы, не означает это также того, что план не встречает противодействующих, противоречивых ему тенденций. И стоимостные закономерности и капиталистические тенденции остаются. Но план оказывается уже достаточно сильным, чтобы преодолеть последние, чтобы не только не допустить их дальнейшего роста, но систематически вытеснить их, а стоимостным отношениям предоставить участвовать лишь на участке, отведенном им планом.

В оценке регулирующих начал нашей экономики в литературе мы имеем ряд ошибок, связанных преимущественно с неисторическим не генетическим подходом к изучению проблемы.

Одни оценивали план и стоимость, как две антагонистические по своему существу силы с момента зарождения планового начала в нашей экономике. Сторонники этой точки зрения перескакивали через ряд этапов того диалектического взаимоотношения, где два различных начала могут представлять собой просто различие, противоположность, но еще не противоречие. Они не понимали этапа, когда должна и может существовать известная гармония между планом и стоимостью.

Другие переносили отношения этого этапа на весь переходный период. Они вообще отрицали возможность антагонизма между планом и законом стоимости по их материальному существу, полагая, что план всегда обязан действовать лишь в рамках закона стоимости, через этот закон, и что только таким образом план может добиться своей системы равновесия. Эти просто не понимают того, что рост стоимостных отношений на известном этапе создавал тенденции к такой системе равновесия, которая по своему капиталистическому характеру представляла явно антагонистическую, совершенно противоречивую плановой системе сущность. И что в борьбе за иной тип равновесия, обобществленный сектор, материально и организационно созревший, может и должен идти даже на ломку капиталистических тенденций, заменяя их иным типом связи и направлением развития, и что лишь на ряду с этим оказывается

возможным отвести стихийному сектору определенный участок и господствующие там тенденции отвести, в основном, в русло плановой системы равновесия. Конечно, план до конца исчерпывает возможности регулирования через стоимость и для этого на известных ограниченных участках может создавать благоприятные условия для проявления закона стоимости, как такового, подавляя его тенденции превращения в закон капитала и поощряя его перерождение в очищенные от стихийных сил отношения.

Что касается третьей точки зрения — считающей, что на всех стадиях развития переходного хозяйства господствует закон стоимости, и только, то на ней останавливаться долго не следует. Сторонники этой точки зрения не могут освободиться от своеобразного фетишизма товарной формы в СССР, и одно наличие этой формы для них достаточный довод за господство закона стоимости. Они не видят совершенно тех противоречий, которые рождаются под „крышкой“ товарной формы, ни того, что эта форма все время, с ростом значения плана, теряет свою сущность. Их смущает, что „трудовые затраты выступают в стоимостной оболочке“. Но они не видят того, что эта стоимостная оболочка лишь по виду стоимостная, что стихийный ценностный „учет“ превращается все в более и более плановую операцию, и что ценностные единицы превращаются все более и более в условные счетные единицы. Одним словом, они не видят своеобразного противоречия стоимостной формы в СССР.

Этого противоречия не понимают и авторы „Очерков переходной экономики“. Там мы встречаем положение, что товарная форма умирать по частям (!) не может, что она отомрет как-то сразу. К сожалению, авторы этой книги не раскрывают нам тайны этого странного скачка. Впрочем, навряд ли они могли бы это сделать, ибо, с другой стороны, они признают наличие процесса перерождения товарной формы!

Все эти возможные решения вопроса следует иметь в виду при анализе проблемы денег. Деньги всеобщая эквивалентная форма стоимости, необходимейшее и важнейшее звено во всем стоимостном регуляторном механизме. Совершенно очевидно, что от того или иного решения вопроса о роли стоимости в нашем хозяйстве будет зависеть решение вопроса о наличии денег в нашем хозяйстве и об их природе. В самом деле, если бы мы держались такой точки зрения, что стоимости и стоимостных закономерностей уже вообще не существует в нашем хозяйстве, очевидно нам пришлось бы отрицать как наличие денег, так и каких бы то ни было их переходных форм; с другой стороны, если бы мы признали, что регулятором является только стоимость — то очевидно исчезла бы сама проблема о природе денег в СССР.¹ Проблема эта возникает именно тогда, когда

¹ Поэтому мы не можем предъявить особых претензий к проф. Юровскому, который считал возможным написать „толстое“ исследование о денежной политике

приходится констатировать наличие двух начал в советской экономике, проходящих этапы сотрудничества, обостренной борьбы, и преобладания одного из них — плана. Поскольку установлено наличие всех этих этапов, установлен более или менее продолжительный период вызревания плана, как руководящего начала, из недр стоимости, постольку, очевидно, и по отношению к деньгам следует сделать вывод о постепенном их отмирании, об их перерождении, как о длительном процессе.

Первый короткий этап — этап господства стоимости — очевидно, ничего не меняет в природе денег. Второй этап — этап зарождения и оформления планового начала — впервые вносит в категорию денег такие моменты, которые делают ее совершенно не похожей на деньги обычного товарного хозяйства.

В самом деле, поскольку план овладевает определенным участком, постольку деньги, функционирующие внутри охваченного планом участка, не являются уже деньгами. Охват планом определенной доли общественного труда означает, что здесь труд из абстрактного труда превращается в непосредственно общественный, и следовательно природа денег здесь меняется. Но деньги остаются деньгами на участке частного сектора, они остаются деньгами во взаимоотношениях между секторами. И лишь тогда, когда план подчиняет себе, своим целям, своему движению, движение стоимостных тенденций, когда он успешно преодолевает противоположное их направление, только тогда деньги и на грани действия двух секторов перестают быть деньгами, и внутри частного сектора их природа становится иной. Ведь, в самом деле, труд принимает абстрактную форму не потому, что существует система вещной связи между людьми, а как-раз наоборот, именно потому, что труд носит характер абстрактного труда, и возникает связь через вещи, через золото. Что же означает то обстоятельство, что пропорции распределения труда, в основном, устанавливаются планом? Это же означает ни что иное, как то, что труд уже в значительной степени перестал носить форму абстрактного труда. Внешняя форма связи здесь не должна обманывать. Эта внешняя форма всегда является мимикрией, способствующей более спокойному развитию новых отношений. Она отомрет позднее всех прочих „наследий прошлого“. Суть же дела заключается в том, что развитие плана, его решающая во всем хозяйстве роль означает уничтожение в решающей степени противоречия между абстрактным и конкретным трудом. В той же мере, в какой оно все же остается, оно играет весьма подчиненную роль.

совласти, не ставя вопроса о своеобразии категории советских денег. В советском хозяйстве он все время видел систему товарного хозяйства, которое план регулирует, а не преодолевает (см. „Денежная политика советской власти“ стр. 381—382).

Во что же перерождаются деньги на этом этапе? Являются ли они уже настоящими трудовыми талонами социалистического хозяйства? поскольку, хотя бы в известной мере, сохранились стоимостные отношения, постольку деньги еще не трудовые талоны, но поскольку план уже диктует пропорции всего хозяйственного целого, постольку они близки к трудовым талонам. Наличие стоимостных отношений является свидетельством еще не полной рационализации общественных отношений, постольку и „трудовые талоны“ планового этапа переходного периода имеют иррациональную форму, передеваются в ценностную одежду, не способны выражаться непосредственно в труде и представляют из себя, по форме, деньги, а, по существу, номинальные счетные единицы...

Разбор функций денег должен подтвердить и развернуть высказанные здесь соображения.

денежн. СССР

Мерило ценности или счетная единица?

Поскольку на „стоимостном этапе“ деньги являются настоящими деньгами, постольку существует и функция мерила ценности. Однако, способы и методы реализации этой функции деньгами отличаются от капиталистического хозяйства.

Здесь следует обратить внимание на то, каким именно образом обычно, золото, как деньги, осуществляет свою функцию мерила. До начала процесса обращения все товары выражают свою стоимость в золоте. Стоимость золота здесь является данной. Она выявляется и определяется по отношению к товарам либо у источника золотой добычи, либо во внешней торговле. Это — границы процесса обращения, здесь он носит характер простого обмена. В этих двух пунктах определяется уровень товарных цен, поскольку он зависит от мерила ценности. Существование этих двух пунктов является решающим для функции золота, как мерила ценности, ибо оно может быть мерилем лишь постольку, поскольку оно само имеет ценность, способную изменяться, как ценность всех товаров, и поскольку эта меняющаяся ценность передается всему товарному миру. Монополия внешней торговли и регулирование внутренних цен на экспортные и импортные товары, в соответствии с задачами каждого данного момента, совершенно отрывают внутренние цены от какого-либо воздействия меняющейся мировой ценности золота на внутренний уровень цен. Если предположить, что мировая ценность золота падает и уровень товарных цен растет, то отсюда вовсе не следует, что мы должны экспортерам внутри страны выплачивать большее количество бумажных рублей, или импортеров заставлять продавать по более повышенным ценам. Комбинированная система изъятия прибылей и премий позволяет удерживать тот же уровень цен. Это позволяет вывозить убыточные товары, ввозя

рентабельные или даже ввозить и вывозить убыточные товары. План здесь всегда имеет в виду интересы целого, а не отдельной отрасли.

Но если мы оградили себя от изменений мировой ценности золота, то в какой мере внутренняя ценность золота здесь может играть роль? И здесь, как показывает опыт, отношения товарно-капиталистического хозяйства не применимы к нашему. В виду особой роли, которую золото играет на мировом рынке, мы регулируем его производство так, что оно ни в какой мере не связано с конкретным уровнем товарных цен. Никакого воздействия на производство золота он не оказывает. Оно регулируется исключительно государственными интересами. Оно может быть невыгодным, стоимость его может возрастать или падать, это не регулирует его производства ни в какой мере и в свою очередь не отражается на общем уровне цен. Таким образом, для золота, как товара с меняющейся ценностью, пути воздействия на общий уровень товарных цен в нашем хозяйстве отрезаны.

Это регулирование внешней торговли и золотопромышленности мы имели с самого начала нэпа. Означает ли это, что мы с самого начала потеряли товарное мерило? Отнюдь нет. На том этапе, когда господствовали стихийные закономерности этим мерилем все же выступало золото. Известны многочисленные факты, показывающие, как золото из „подземелий“ выходило в мир товаров и осуществляло свои права и обязанности всеобщего эквивалента. Но золото уже тогда выступало не как свободно воспроизводимый товар, а с ценой, складывающейся исключительно под влиянием спроса и предложения, что уже делало его скверным мерилем. Государство пыталось регулировать бумажную цену золота и, таким образом, создать, если не „стандартное мерило ценности“, то освободить товарный рынок от стихийных колебаний связанных с „ценой“ золота, внося в этот процесс известную плановость.

Такая попытка регулирования спроса и предложения золота, поскольку господствовали стихийные закономерности, была вполне правомерной и более обоснованной, чем в условиях капиталистического хозяйства. Но по мере роста значения планового начала она становилась недостаточной. Задачи становились шире, так как, в результате овладения важными рыночными позициями, план смог покуситься и на самую существенную часть рыночного механизма — на цены. Задача уже стояла — не просто предохранить уровень цен от колебаний бумажно-денежной цены золота, а регулировать его. Успехи плана на этом пути приводили к отмиранию функции мерил ценности.

Покуда это были отдельные разрозненные попытки, они не имели значения. Но когда это регулирование цен стало опираться на значительно возросшую (количественно и, отсюда, качественно) роль обобществленного сектора, когда вместо отдельных регулируемых цен сложилась система цен, которую можно было провести

в жизнь, тогда мы получили новый принципиальный момент, в корне отвергающий функцию мерил ценности.

В самом деле, мы и в эпоху финансового капитализма имели регулирование цен, однако — это регулирование отдельных цен, система цен складывается, как результат стихийной борьбы отдельных отраслей между собой. Плановая система цен означает поэтому принципиально иные отношения — такое состояние обобществления, когда, в основном, направление развития хозяйства (пропорции) устанавливается планом. Но это означает, что система цен освобождается от каких бы то ни было эквивалентных отношений к золоту, что система цен — это просто намечаемое перераспределение труда путем действия этого именно механизма (мы подчеркиваем этого именно, ибо у плана есть ряд других перераспределяющих рычагов). Но этим самым ликвидируется необходимость мерил ценности.

Таким образом, если на предыдущих этапах золото превращалось в плохое мерило, то сейчас система цен отрывается окончательно от связи с бывшим всеобщим эквивалентом.

Вместе с этим, выхолащивалось из денежной единицы какое-либо определенное трудовое содержание. Если бумажный рубль, отображавший определенное количество золота, тем самым являлся представителем определенного количества труда, то рубль, содержание которого определяется политикой плановых цен, представляет собой номинальную счетную единицу. Количество труда, которое представляет эта счетная единица, не является постоянным, так как оно зависит от тех маневров, которые проводятся с ценами планом. Снижение цен может и не выражать уменьшения количества труда и, наоборот, увеличение производительности труда может и не сказаться в снижении цен. Следовательно, это чисто номинальная единица, которая позволяет сравнивать выгодность различных хозяйственных затрат лишь в каждый данный момент (поскольку в системе цен ничего не меняется). Отсюда, необходимость счета в неизменных ценах, когда сравниваются затраты и результаты производства различных периодов. Ясно, что расчет в неизменных ценах для какого-либо капиталиста явная бессмыслица. Уже одно это обстоятельство является свидетельством номинальности нашей счетной единицы. Содержанием ее, следовательно, является количество труда, воплощенное не в одном каком-либо товаре, служащем всеобщим эквивалентом, а в наборе товаров. Ее содержание — это ее покупательная сила. Следовательно, все товары уже не приравниваются к одному особому избранному товару, но еще не приравниваются и к труду непосредственно. Переходной ступенью оказывается приравнивание к денежной единице, содержание которой определяется планом.

Но может ли быть природа наших денег такой, когда покупательную силу рубля определяет не только план, но и те движения,

которые претерпевают цены на частном рынке? Здесь надо иметь в виду следующее. Деньги становятся номинальной счетной единицей тогда, когда на рынке решающую роль начинает играть обобществленный сектор. Но и при этих условиях, поскольку остаются стихийные закономерности, движение цен в частном секторе может сложиться иначе, чем намечено планом, и покупательная сила рубля может отклониться от плана. Однако решающую роль играет обобществленный сектор, и движение цен в частном секторе принуждено исходить из определенного содержания денежной единицы. Поэтому, роль колебания цен, на основе стихийных закономерностей, ограничена, она сводится к поправкам — уже существующему уровню. Эти поправки уже не могут изменить основных линий распределения труда, намеченных планом.

Как бы ни сложились частные цены, у плана есть ряд других рычагов, посредством которых он может видоизменить действие чем и получить то распределение труда, которое в основном было намечено.

Но поскольку в частном секторе все же имеются стоимостные закономерности (сам план в известных пределах использует их для достижения своих целей), может возникнуть вопрос — если есть стоимость, то почему не должна существовать всеобщая эквивалентная форма стоимости? Частный сектор не может создать своих денег. Деньги с определенным содержанием, с определенной покупательной силой навязываются ему обобществленным сектором. Все товары приравниваются к этому именно содержанию денежной единицы. Частный сектор, следовательно, использует номинальные деньги, как действительных представителей действительных денег. Стоимостные закономерности, на своем ограниченном участке, заставляют денежные знаки представлять не существующую всеобщую эквивалентную форму. Эта об'ективная роль расчетных знаков в частном секторе создает представление о них, как о настоящих деньгах, несмотря на то, что в иллюзорности этих представлений убеждается владелец денег на каждом шагу: и когда он пытается их превратить в то, что он помнит было предметом всеобщего поклонения, власти, могущества, в блестящий товар, и когда он пытается купить товары вообще. Оказывается, что они продаются, но одних денег мало, чтобы эти товары получить. Чтобы купить большинство товаров, этот частный владелец денег должен предъявить ряд особых документов, без которых деньги не действительны. Товары продаются и не продаются. Товары уже не товары, но еще не продукты. Отсюда ряд экономистов, вместе с обывателями, трактует наши деньги, как плохие деньги, вместо того, чтобы сказать о них, что они уже становятся не деньгами. Таким образом, если раньше функция денег, как масштаба цен, была тесно связана с функцией мерила ценности то сейчас она освобождается от этой связи. Деньги — просто масштаб цен, только счетные „деньги“.

Деньги все

Орудие обращения или расчетные знаки?

Всеобщая форма стоимости включает в себе противоречие между товарами и всеобщим эквивалентом. Это противоречие „ставится“ при функционировании денег в качестве мерила стоимости и разрешается в процессе обращения товаров.

На первом этапе переходного периода мы здесь сколько-нибудь отличных законов не имеем. Поскольку господствует закон стоимости постольку существует это противоречие и особый метод его разрешения. Но уже на втором этапе, когда план оформляется, и хотя не играет еще руководящей роли в народном хозяйстве, но старается предвосхитить пропорции, складывающиеся на основе стихийных закономерностей, — уже здесь в известной мере разрешается противоречие всеобщей формы. Это происходит лишь в той мере, в какой распространяются сила и значение обобществленного сектора, и лишь в этих пределах разрешается здесь противоречие всеобщей формы. По мере роста значения обобществленного сектора и его влияния на частный, это противоречие оказывается разрешенным.

Процесс приравнивания товара к денежной единице не есть здесь постановка определенного противоречия, так как подавляющее большинство „товаров“ произведено по плану и, следовательно, процесс приравнивания здесь лишь формальный процесс, так как их происхождение гарантирует их сбыт. Метаморфоза товарной формы в денежную была мучительным и сложным процессом для каждого товара в капиталистическом хозяйстве. Здесь же это простая формальность при переходе товара от звена к звену, пока он не придет к конечному пункту своего назначения. Собственно, и для большей части индивидуального производства этот процесс также переменяет свой характер. Ведь при определении фонда, скажем зарплаты, делается расчет и на то, сколько товаров рабочие смогут купить непосредственно у частных товаропродавцов. Таким образом, план обеспечивает сбыт и большинству частных производителей. Отсюда, хотя по характеру своего хозяйства, для частного товаропродавца процесс кажется процессом действительной метаморфозы одной формы в другую, но, об'ективно, с точки зрения общественной, для той части частных товаропроизводителей, которые принимаются в расчет планом, этот процесс носит уже совершенно иной характер. Именно в силу этого, в противоположность капиталистическому хозяйству, может оказаться легче превратить товар в деньги, чем деньги в товар. Таким образом, в обобществленном секторе мы имеем дело уже не с процессом обращения, а с процессом почти прямого распределения (плановое распределение средств производства, плановый „завоз“ предметов потребления). В отношениях обобществленного и частного секторов здесь по форме может оставаться как бы настоящий процесс обращения, но существо его иное (плановые заготовки,

плановые закупки кустарных товаров.¹ И лишь в небольшом секторе сделок внутри частного сектора здесь еще существует старое противоречие; превратиться в так называемые деньги может быть на некоторых участках также трудно, как и в обычном товарном хозяйстве в настоящие деньги. Но этот участок уже не решает. Процесс обращения, как процесс смены форм, для общества в целом превратился уже в значительнейшей мере в процесс распределения и лишь по форме остался процессом обмена. Орудия обращения превратились в расчетные знаки, а вся операция в операцию чисто формального характера. Само собой разумеется, что, в связи с этим, отпадает и функция монеты. Монета была ни чем иным, как знаком ценности, представителем всеобщего эквивалента. Расчетный знак по существу представляет ту покупательную силу, которая для него установлена. Он по природе — знак плановой цены товаров, а не ценности.

Частный сектор, употребляя счетную единицу установленную планом, как мерило ценности, употребляет и расчетные знаки, как знак ценности. Но так как советские деньги не являются тем, чем хотел бы частный сектор, то они становятся для этого сектора суррогатом бумажных денег, не просто бумажными деньгами, а плохими бумажными деньгами, ибо закон ценности бумажных денег полностью оказывается к ним не применим. Но об этом после — в связи с проблемой количества знаков.

Деньги в сср Сокровище и запас расчетных знаков

По мере развития капитализма дело накопления сокровищ отдельными людьми становилось бессмысленным, поскольку природа капитала заключается в движении, в самовозрастании. Образование сокровищ стало функцией центральных банков, которые накоплением золотого запаса создавали резерв всего хозяйства. На первом этапе нэпа, когда золото было деньгами, такую же роль играл запас Госбанка. Он был резервом, поддерживавшим постоянную бумажную цену золота, и резервом для расчетов во внешних сношениях. По мере превращения денег в расчетные знаки, золотой запас разрывал свою связь с денежным обращением, государство отказывалось от размена денег и внутри и за-границей.

¹ Быстрый темп развития нашего хозяйства сказывается во всем. Жизнь успевает выдвинуть новые задачи и приступить к их решению в более короткий промежуток времени, чем успевает быть набраной статья... Когда данная статья была уже в наборе, ЦК ВКП (б) вынесено важнейшее решение по вопросу о новых задачах в области контрактации зерновых посевов. Там прямо говорится о необходимости перехода к „плановому продуктообмену с деревней“, что будет осуществлено путем двустороннего договора между крестьянскими объединениями и государством, крестьяне производят по заказу хлеб и сдают его, а государство доставляет взамен средства производства (и по возможности — „промтовары“ широкого потребления) (см. решение ЦК от 26 авг. с. г.) Этим самым оформляются те тенденции, которые интенсивно развивались в течение последних лет.

Расчетные знаки по своей природе не могут выполнять функции сокровища. Они в себе не заключают того количества труда, которое они в данный момент представляют, и вообще они не представляют какое-либо постоянное количество труда, или безусловное право на продукты труда вообще. Это последнее делает совершенно чуждым для них функцию сокровища. Бумажные знаки ценности вообще не могут играть роль сокровища, ибо в этой функции может лишь находиться сама ценность, а не ее заместитель. Но здесь расчетные знаки представляют сами себя и именно потому не могут быть сокровищем. С точки зрения нашего частного сектора, где, с одной стороны, в капиталистической его части преобладают мелкие неразвитые полукапиталистические хозяйства, с другой, — где крупное частное хозяйство стоит постоянно под угрозой насильственной ликвидации его (налоговыми методами), потребность в ликвидном резерве, в накоплении денег в форме сокровищ большая. Однако природа расчетных знаков не стимулирует их собирание. Отсюда стремление в мелких полукапиталистических хозяйствах накопления натуральных запасов, этой „варварской формы накопления ради накопления“, а в крупном к получению хотя бы по высокой цене, того, что является на мировом рынке всеобщим эквивалентом. Все же в известной мере происходит процесс собирания бумажек и в капиталистическом секторе.

Отношения переходного периода могут показаться крайне парадоксальными: расчетный знак, плановая социалистическая природа которого очевидна, может употребляться в качестве капитала. Он может ссужаться деревенским капиталистиком бедноте, он может ссужаться более богатым нэпманом более бедному. Само собой разумеется, что отношения ростовщического капитала тут порядочно модифицированы, так как получение большего количества расчетных знаков за меньшее отнюдь еще не означает увеличения его сокровищ. Но ростовщик может эти расчетные знаки либо превратить, в известной мере, в натуральные запасы и этим увеличить свою социальную силу, либо просто вести более расточительный образ жизни. Как видим, черты современного ростовщика, благодаря природе окружающих его социальных условий, прямо противоположны чертам классического ростовщика.

Что же касается обобществленного сектора, то отдельные его „автономные“ хозяйственные единицы собирают резервы расчетных знаков, необходимые для их связи и расчетов с прочими. Обычно, эти резервы передаются в банк, который отнюдь не собирает их в своих кассах. Его кассы имеют лишь постоянный резерв расчета. Остальное все либо уничтожается, либо хранится, как чисто технический запас „бумажек соответственного образца“. Этот запас, конечно, ничего не говорит ни о „богатстве“ банка, ни общества. Права на получение определенного количества расчетных знаков в банке, и „наличные“ расчетные знаки хозяйственным единицам обоб-

ществленного сектора еще не дают безусловного права ни на приобретение любых продуктов, ни на получение того товара, за который в „капиталистической загранице“ можно получить любой товар. Здесь все подлежит плановому регулированию.

Золотой запас центрального банка совершенно не связан с внутренним обращением. Это государственный резерв для расчетов с „капиталистическими“ странами. Золото из этого резерва предоставляется за определенное твердое количество расчетных знаков тем, кому разрешено импортировать, и сюда же в этот резерв должны сдавать экспортеры всю заграничную выручку. Но ни в какой связи этот золотой резерв не стоит с наличным обращением. Законодательный акт о необходимости определенного процента обеспечения является уже „анахронизмом“ предыдущего этапа нэпа, когда был фактический размен на золото (интервенции на черной бирже, размен червонцев за границей). Этот законодательный акт еще не создает внутренней экономической связи между золотым запасом и обращающимися денежными знаками. Расчетные знаки не могут играть роли сокровища и не связаны с существующим золотым сокровищем.

ден. сср Платежное средство

Расчетные знаки в большинстве случаев, при проведении товаров через звенья товаропроводящей сети к потребителю, функционируют не в момент получения товара, а некоторое время спустя, когда товар дойдет до конечного потребителя. Причины этого заключаются в том, что совершенно нецелесообразно было бы увеличить количество расчетных знаков в число раз равняющееся количеству звеньев товаропроводящей сети. Отсюда, „коммерческий кредит“. Как видим, причины, возникновения функции платежного средства похожи на причины, вызывающие существование этой функции в товарно-капиталистическом хозяйстве. Однако функция платежного средства, выполняемая расчетными знаками, почти не имеет ничего общего с соответственной функцией денег. В последней заложено определенное противоречие, заключающееся в том, что метаморфоза товара в деньги совершилась и не совершилась. Товар продан, но не за деньги, а за обещание денег. И сплошь и рядом мы имеем такое явление, когда обещание денег не может превратиться в деньги. Этого противоречия нет в функции платежного средства, выполняемого расчетными знаками. Обещание платежа в обобществленном секторе, как правило, равносильно платежу. Не даром Госбанк ввел с прошлого года обычай списывать задолженность по вексельному кредиту в день наступления срока платежа, не дожидаясь извещений от своих филиалов о том уплачен ли клиентом долг.

С другой стороны, существование этой функции позволяет и конечные платежи производить не путем наличных знаков, а путем

взаимных зачетов обязательств, расчетных чеков и т. п. Наличные знаки могут не выступать в этих случаях. Собственно, исходя из природы расчетного знака, следует сказать, что чеки употребляемые для расчета ничем не отличаются от расчетного знака. Расчетный знак — конечное платежное средство и никогда ни при каких случаях (за исключением платежей иностранным капиталистам) не должен превращаться во что-либо иное. Чек на банк тоже такое же конечное средство. Никто никогда не потребует за него „наличных знаков“, если они ему действительно не нужны для расплат с индивидуальным сектором.

Займствуя весь механизм расчетной операции у капиталистического мира и уничтожив противоречие денег как платежного средства, переходное хозяйство благодаря функции платежа, выполняемой расчетными знаками, постепенно создает в лице своего банка центральную бухгалтерию всего хозяйства. Завершение этого процесса будет высшей ступенью организованности в переходный период. Мы к ней приближаемся большими шагами.

В частном секторе, в сделках внутри сектора, известная часть противоречий заключенных в функции денег, как платежного средства, остается и при выполнении этой функции расчетными знаками. Однако и здесь согласно закону, расчетный знак — конечное платежное средство, и ни один частник у другого не может законным путем требовать в уплату долга чего-либо иного.

В сделках же частного сектора с обобществленным все противоречия платежного средства также уничтожаются. Случай, когда частник — кредитор, а обобществленный сектор — должник, ясен.

Противоположный случай также ясен. Существование частника зависит на 90% от политики обобществленного сектора. Кредитование частника, подлежащего вытеснению из данной сферы, конечно, бессмыслица. Впрочем, этот случай — кредита частнику — для нынешнего этапа не имеет никакого народнохозяйственного значения и не проводится, за исключением случаев авансирования под будущую продукцию, широко применяемого по отношению к мелкому товарному хозяйству. Здесь у государства совершенно достаточные ресурсы гарантирующие выполнение взятых мелким производителем обязательств.

Анализ функций, выполняемых советскими деньгами, подтвердил наше прежнее положение об изменении природы денег. Мы видели, что регулятором нашего хозяйства стал план, который сломал стоимостные закономерности, оставив их лишь на небольшом участке, где они либо всецело подчинены тому направлению движения, которое диктуется планом, либо частично идут в противоположном направлении и успешно преодолеваются планом. Ликвидации закона стоимости, как регулятора всего хозяйства, соответствует ликвидация категории денег. Деньги как, настоящие деньги, нужны плану до тех пор, пока он еще, как регулятор, не

представляет самостоятельной силы и сам движется в направлении, диктуемом законом стоимости. Плану, как регулятору хозяйства, соответствует перерождение денег в расчетные знаки. Расчетные знаки — еще не трудовые талоны. Полная рационализация хозяйственной жизни еще не достигнута. Еще существуют участки хозяйства, хотя и подчиненные плану, но через стоимость. Отсюда сам план облекается во внешнюю форму стоимости. Но это лишь мимикрия плана. Поэтому расчетные знаки уже не деньги, но еще и не трудовые талоны. Расчетные знаки в отношениях обобществленного сектора уже совсем не деньги, а внутри частного они „как бы деньги“. Отсюда их функции — они уже не мерило ценности, но еще масштаб цен, и не выражают непосредственно рабочего времени. Из этого вытекает и их функция расчетного знака, платежного средства и расчетного резерва.

Мы уже приводили мнения авторов „Очерков переходной экономики“ о том, что наши деньги это „прежняя архибуржуазная категория денег“. Они полагают, что природа денег полностью сохраняется в течение всего переходного периода. „Здесь следует с самого начала со всей определенностью подчеркнуть, что денежное обращение не является такой областью хозяйства, в которой процесс обобществления может продвигаться постепенно шаг за шагом.

...Нельзя частично обобществлять товарную форму. Она должна охватывать весь народнохозяйственный организм или ее не должно существовать вовсе; третьего здесь не дано... Линия закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими; лишь постепенно по мере действительного обобществления производственного процесса, происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же форма товара сохраняется для всего поля хозяйственных связей, и лишь в самом конце длинного пути, в момент достижения полного и окончательного обобществления всего народнохозяйственного организма, товарная форма уступает место натурально-хозяйственной организации. Денежное обращение непосредственно связано с товарной формой. Более того, денежная форма — это, в сущности, ни что иное, как обратная сторона товарной формы. Денежное обращение — это область об'ективизации товарной формы, ее проявления и выражения в общественно-значимом виде. Пока существует товарная форма — необходимо сохранение денежной системы. Но денежная система представляет собой нечто цельное, не поддающееся разделению на части; само слово „система“ указывает на это обстоятельство“ (стр. 332, 333).

Ошибка наших авторов ясна. Они связывают деньги и их природу с той внешней товарной формой, которая у нас сохранилась. Они здесь забывают, что деньги порождаются противоречием между абстрактным и конкретным трудом. У нас это противоречие все в

большей мере ликвидируется. И из этого возникает новое противоречие — между трудом, который все больше принимает непосредственно общественный характер и „внешней товарной формой“, которую принимают его продукты. Отсюда, с одной стороны, уничтожаются деньги, с другой — они перерождаются в переходную форму, являющуюся воплощением этого нового противоречия между господствующим непосредственно-общественным трудом и остатками иррациональных элементов хозяйства. Ошибка в том, что эти авторы связывают деньги лишь с внешней формой стоимости, забывая об их регуляторном значении, о том, что они являются элементом стоимостного регулирующего механизма. Из своей постановки вопроса о сущности денег, наши авторы делают вполне логичный, с их точки зрения, вывод, что изменяется лишь денежная система (а не природа денег), что она становится лишь еще „более регулируемой“, чем при капитализме. Они не видят, что эта возможность „большого регулирования“, чем при капитализме, вытекает из изменения самой природы денег. Вся эта постановка вопроса навеяна уже отошедшими в историю этапами нашего хозяйственного развития.

Тов. Раскин в статье „О природе денег в переходный период“ („Проблемы экономики“, № 2) довольно близко уже подходит к решению вопроса, однако, в результате, все же не может связать концы с концами.

„Было бы, конечно, крупнейшей ошибкой, пишет он, представлять себе, что в нашем переходном хозяйстве деньги, не будучи уже сами эквивалентом, представляют непосредственно товары, как квитанция или ассигновка на них. Поскольку взаимоотношения внутри частного сектора и между частным сектором и обобществленным иными, как овеществленными отношениями, быть не могут, постольку и, обслуживающие эти отношения, деньги должны представлять собой или, во всяком случае, должны отражать деньги в настоящем смысле слова, или всеобщий эквивалент. Ни чем иным, как золотом, в настоящих условиях этот всеобщий эквивалент быть не может... В пределах же обобществленного сектора отсутствие у денег характера всеобщего эквивалента не подлежит никакому сомнению.

Денежное обращение у нас не разделено на деньги, обращающиеся в частном секторе, и деньги, обслуживающие общественный сектор. Одни и те же деньги обслуживают и тот и другой. Как же возможно в таком случае, что деньги то являются всеобщим эквивалентом, то не являются им? Для тех, кто действительно понимает, что деньги не вещь, а общественное отношение, ответ на этот вопрос не представит никаких затруднений.

А предположим, что деньгами (и как средством обращения) является действительное золото. Что же, — разве при сделках между двумя государственными органами это золото является действительным эквивалентом? Совсем нет, — здесь нет отношений частной соб-

ственности, и никакого всеобщего эквивалента здесь не требуется. Золото здесь играет роль просто квитанции, его стоимостная сущность не имеет значения.

Но когда это же золото выступает во взаимоотношениях с частным сектором, то на первый план выступает его стоимостная сущность, ибо здесь оно, действительно, является всеобщим эквивалентом. При замене золота, в качестве средства обращения, бумагой, знаком эта бумажка, в одном случае, является действительным знаком золота, в другом — только квитанцией. Все дело здесь — в отношениях, а не в вещах.

Ошибка т. Раскина в том, что у него оба сектора существуют совершенно раздельно. Он признает, что систему цен диктует, в основном, план, но он не видит, что частный сектор принужден исходить из этой системы цен, и что и системой цен, и рядом других рычагов план подчиняет себе движение частного сектора. Тов. Раскин апеллирует к тому, что деньги не вещь, а общественное отношение, но он не разъясняет сути этого общественного отношения. Разве в частном секторе мы имеем дело просто с отношениями товаропроизводителей? Неужели можно абстрагироваться от третьего присутствующего — от руководящего всей экономикой пролетариата, ограничивающего эти отношения товаропроизводителей? Три лица, а не два, т. Раскин, определяют собой отношения внутричастного сектора. Деньги, функционирующие в частном секторе, они „как бы деньги“, природа их иная, в чем повседневно убеждаются их держатели. Тов. Раскин утверждает, что золото является всеобщим эквивалентом в частном секторе, но он даже не пытается показать каким образом оно осуществляет эти функции. Это понятно, ибо показать это невозможно.

Количество и покупательная сила расчетных знаков в СССР

Расчетный знак не является представителем всеобщего эквивалента, как бумажные деньги. Отсюда — у него нет ценности, и он не представляет ценности. Его содержание определяется исключительно системой цен. Следовательно, его значение в его покупательной силе. Известно, что изменение ценности бумажных денег, связанное с их количеством, сопровождается также изменением их покупательной силы. В каком же соотношении находятся количество и покупательная сила расчетных знаков? Но здесь у читателя может возникнуть недоразумение: не вытекает ли из того, что план является регулятором хозяйства, невозможность самой постановки этого вопроса. Нет ли противоречия между руководящей ролью плана и возможностью несоответствия количества знаков, необходимости в них? Существование расчетных знаков есть, как мы уже говорили, отражение наличия нерациональных элементов в хозяйстве. Если бы их не было расчетные знаки просто были бы трудовыми талонами.

Ведь и обобществленный сектор организован, как ряд самостоятельных хозяйствующих единиц. Элементы нерационального имеются внутри обобществленного сектора. План прокладывает себе дорогу, преодолевая сопротивление десятков децентрализаторских и местных тенденций. На ряду с этим, возможны неточности в учете явлений, происходящих в частном секторе, и недостаточное умелое на тех или иных участках маневрирование. Все это не гарантирует от нарушений планового расчетного баланса. Эмиссия, выпуск новых денег есть ни что иное, как способ покрытия расчетного баланса между учреждениями обобществленного сектора и всем индивидуальным сектором (это шире частного — сюда относятся еще рабочие и служащие).

В самом деле — обороты внутри обобществленного сектора совершаются почти без наличных денег. Требование на наличные деньги возникает, когда предстоит расплачиваться с рабочими и служащими и частным сектором. При росте этих расплат может возникнуть потребность и в увеличении постоянного остатка кассы обобществленного сектора, увеличение расчетных резервов. На ряду с этим, развивается противоположная тенденция, в связи с ростом безналичных расчетов. Но этот постоянный остаток играет небольшую роль во всем денежном обращении (около 20%). Денежный расчетный баланс между обобществленным и индивидуальным секторами складывается так:

П р и х о д

1. Выдача зарплаты
2. Все плановые заготовки.
3. Уплата процентов по займам.
4. Выдачи из страховых организаций.
5. Денежный кредит частным хозяйствам.

Р а с х о д

1. Выручка за проданные на широкий рынок товары и коммунальные услуги.
2. Налоги.
3. Займы.
4. Возврат ссуд.
5. Платежи по страховкам.
6. Паевые взносы.

Превышение расходов над приходом означает — увеличение денежного обращения, а прихода над расходом — его уменьшение. Если к этому прибавить сумму, потребную для увеличения кассовых резервов, или отнять сумму, на которую сокращается потребность в них, то мы получим весь размер возможного требования на наличные знаки. Мы видим, что этот расчетный баланс отнюдь не складывается стихийно. Все статьи в нем почти полностью зависят от плановых наметок. Следовательно, и сальдо есть сальдо, в основном, устанавливаемое планом.

Очевидно, во-первых, и следует поставить вопрос — в каких пределах это сальдо может быть покрыто эмиссией, где границы этого? И во-вторых, как и почему эти границы могут быть перейдены, в какой мере это возможно и каковы вообще последствия этого явления. Проблема, как мы увидим, шире, она выходит за пределы вопроса о связи количества знаков и их покупательной

силы. Расчетные знаки обслуживают процесс распределения — продажи товаров. Очевидно, правило, определяющее их количество, будет весьма похоже на правило, определяющее количество денег. Мы можем его лишь конкретизировать применительно к нашим

условиям. Количество необходимых денег = $\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{скорость обращения}}$ — сумма цен товаров, продающихся по безналичным расчетам + уплата задолженности по кредитам, безналичным расчетам и государственным платежам + авансы и кредиты наличными + необходимое увеличение (или минус уменьшение) касс обобществленного сектора + + увеличивающийся постоянный остаток денег на руках у населения.

Неопределенным членом формулы является последний ее член — остатки на руках у населения. И в то же время, это наиболее важный ее член. В конечном счете, в него упирается проблема эмиссии. Основными факторами, определяющими эти остатки — являются: во-первых, увеличение всего денежного фонда рабочего класса, рост количества рабочих, увеличение зарплаты и во-вторых, рост товарности крестьянского хозяйства и его благосостояния, и, в-третьих, та доля национального дохода, которая попадает в руки капиталистических элементов в стране, и оседает в денежной форме. Если первые два фактора находятся в прямой зависимости от величины возможной эмиссии, то третий — в обратной. Чем больше зарплаты рабочих и реализация своей продукции на рынок крестьянами, тем больше постоянный денежный остаток у этих групп населения. Что же касается капиталистических элементов, то чем больше в их руках оказывается сконцентрированной доля денежной массы страны, тем более опасно это явление для нормального товарооборота, тем больше опасность усиленного развития ростовщичества, тем больше опасность всяких неожиданных маневров на товарном рынке в случае каких-либо заминок, и, наконец, тем больше вырастает непроизводительная часть потребительского фонда страны. Поэтому, для выяснения возможностей эмиссии мало знать общую сумму, на которую может увеличиться остаток денег у всего населения, важно знать как он распределится по социальным группам. Это не техническая, а социальная проблема. Таким образом, условия товарного обращения, размеры платежей наличными и остаток денег у населения на руках — вот то, что определяет сумму необходимых расчетных знаков. Эмпирически она должна определяться анализом рабочих и крестьянских бюджетов, прикидками баланса спроса и предложения товаров, анализом возможностей развития безналичных расчетов и сберегательного дела, условиями развития капиталистических элементов и проводимой по отношению к ним политики. В каком же отношении стоит в связи с этим, материальный план к эмиссионному? Означает ли то обстоятельство, что величина необходимой эмиссии определяется особыми законами, что материальный план должен быть подчинен этим зако-

нам и строиться по эмиссии, или же, наоборот, — возможны и допустимы переходы через границы необходимого денежного обращения для реализации определенного материального плана. Для ответа на это нужно рассмотреть последствия перехода через эти границы. В условиях бумажно-денежного обращения, если количество бумажных единиц превышает по номиналу количество необходимых для циркулирования золотых денег, то ценность бумажных денег падает, растет курс золота и повышаются цены товаров. Основным отличием закона обращения расчетных знаков является то, что во-первых, их количество не имеет никакого отношения к курсу золота и, во-вторых, то, что государство настолько овладевает рычагом цен, что и здесь отношения совершенно меняются. Вольный курс золотого рубля в наших условиях, при отсутствии какого-либо воздействия на этот рынок со стороны государства, не означает ничего иного, как 1) отражение движения контрбандных товаров, 2) как спрос зажиточных элементов на золотое сокровище. Чем интенсивнее будет вытесняться частный капитал, чем менее он сможет оперировать в спекуляции в области товаров, тем выше будет спрос на золото, тем выше будет курс золота и иностранной валюты на подпольном рынке. Но он собственно ничего не говорит об избытке или недостатке расчетных знаков в стране, он даже ничего не говорит об уменьшении или увеличении государственных золотых резервов. Что же касается цен, то какой бы спрос ни предъявило население — подавляющее большинство промышленных товаров продается по фиксированным ценам, также фиксированы цены на продовольственные и сырьевые товары, приобретаемые у крестьянского населения обобществленной торговлей. В области обобществленной торговли (занимающей не менее 80% в рознице и около 1% в опте) рост потенциальной силы населения на ценах сказаться не может. Только по линии 20% розницы это может играть роль, и, в особенности по тем товарам, торговлей которыми недостаточно овладел обобществленный сектор. Однако; и здесь возможности частного сектора ограничены и идут по линии предметов такой необходимости, что они должны быть приобретены по любой цене. По другим же товарам, даже при недостатке товаров в обобществленной торговле, население вовсе не стремится закупать их в частной по любой цене, что объясняется тем, что даже при избытке спроса население не желает переплачивать частнику, будучи уверено, что через некоторое время оно получит этот товар по более дешевой цене в государственной или кооперативной торговле. То обстоятельство, что избыточный спрос будет сопровождаться расширенным воспроизводством резко ограничивает покупательский круг частного торговца. Таким образом, излишек денег, если бы он оказался, может проявиться, главным образом, по линии товарного голода и в известной степени в ценах частного сектора. Таким образом, даже в отношении цен вольных, здесь не могут проявиться полностью законы

бумажных денег. Однако, было бы совершенно неправильно рассматривать всякий подъем вольных цен и вольного курса рубля или явление товарного голода вообще, как результат излишне выпущенных расчетных знаков. В самом деле, при данном спросе и данной величине расчетных знаков, возможен рост вольных цен. Достаточно не снабдить в плановом порядке потребителя необходимыми продуктами („внеплановые перебои плановой торговли“), как мы будем иметь рост цен, достаточно сократиться количеству частных, уменьшиться конкуренции между ними — и в результате рост цен. С другой стороны, в отношении тех товаров, которые приобретаются у индивидуальных производителей, вздорожание издержек производства поведет к подъему цен в частной торговле и может не вызвать подъема цен в обобществленной. Недопроизводство каких-либо отдельных товаров, скажем по причинам естественного порядка (неурожай), при той же величине общего спроса на товары, может вести к подъему цен в частной и к стабильности цен в обобществленной. В движении вольных цен сказывается ряд факторов, которые нельзя свести только к влиянию количества знаков. Количественная теория денег; переносимая на законы обращения расчетных знаков оказывается в такой же степени неверной.

То же по отношению к товарному голоду. Предположим, например, что при данном распределении денежной массы по различным секторам, мы не имеем товарного голода. Но вот — неурожай. Спекулянты и кулаки вздувают цены. В результате — в среднем, мы имеем уменьшение денежных остатков на каждого рабочего на 5 руб. и 50 млн. руб. концентрируется в руках относительно небольшой группы капиталистов в стране. Это может вызвать резкое увеличение спроса. Товарный голод не есть всегда несоответствие между количеством расчетных знаков и предложением по фиксированным ценам. Он может быть вызван просто неправильным их социальным размещением.

Но несомненно, что увеличение эмиссии за те пределы о которых было сказано прежде, поведет к возникновению (или обострению) товарного голода. Мы возвращаемся к вопросу о соотношении плана эмиссии и материального плана. Использование эмиссии, ведущее к увеличению товарного голода, означает не что иное, как перераспределение всего предлагаемого широкому рынку товарного фонда между иным, количественно и качественно, кругом покупателей, а с точки зрения расчетных знаков — их принудительное сбережение. Следовательно, товарный голод есть ни что иное, как один из методов перераспределения народного дохода. В самом этом методе, поскольку будет обеспечено падение основной тяжести его на капиталистические и более зажиточные слои (а это возможно) мы не видим, принципиально ничего такого, что было бы более недопустимым, чем другие методы перераспределения, в особенности, если принять во внимание природу наших денег. Поэтому,

программа эмиссии может выйти за пределы необходимого количества денег и не подчиняться, а подчиниться материальному плану.

Проблема сейчас переносится в иную плоскость. Каковы лимиты этого выхода за пределы необходимых денег? Ответ может быть один. Должен быть обеспечен: подъем реального уровня жизни рабочего класса и трудящихся масс деревни. Должны быть исчерпаны все меры к извлечению излишка денежной массы, находящейся в руках капиталистических и зажиточных элементов, и к недопущению дальнейшего ее перераспределения в эту сторону. С соблюдением этих условий принудительное сбережение может быть увеличено в том или ином размере, в зависимости от потребностей материального плана, если он, конечно, сбалансирован.

Можно ли товарный голод назвать инфляцией. Термин этот относится к бумажно-денежному обращению. У нас же расчетные знаки. Природа и законы их обращения иные. Уже это одно должно было заставить воздержаться от распространения на них этого термина. По отношению к нынешним советским деньгам он ничего не объясняет. Кроме того, следует помнить, что инфляция имеет определенное социально-классовое содержание — перераспределение дохода в пользу крупного капитала и экспроприацию рабочих масс и мелкобуржуазных групп населения. У нас же, даже если бы излишняя эмиссия и привела бы к повышению вольных цен и к перемещению, через механизм цен, части доли рабочего класса в пользу капиталистических элементов, то ведь у рабочего класса есть достаточно иных рычагов, чтобы вызвать обратное перемещение этой доли (или, как суррогат решения вопроса — оставить нетрудовые элементы при деньгах, но еще больше сузить возможности превращения денег у этих держателей в материальные блага). В наших условиях, следовательно, социальные последствия излишка расчетных знаков, в конечном счете, будут иные, чем при инфляции.

Вот почему, мы отбрасываем, как ничего не объясняющий, фетишизирующий реальные отношения, термин инфляции по отношению к нашим условиям. И мы можем совершенно спокойно пройти мимо тех экономистов, которые по поводу всякого понижения покупательной силы расчетных знаков (что может быть вызвано, как мы видели, и причинами лежащими и не на стороне знаков) вопят об инфляции. Следует строго различать два возможных типа излишних денег у нас. Излишние деньги, как результат плана — предусмотренные планом, и излишние деньги, в результате срыва плана. Может быть такой случай, такой плановый просчет или такое сопротивление капитализма в стране, при котором происходит срыв материального плана и образовавшаяся брешь заполняется эмиссией. Вот только к этому случаю мы могли бы отнести, в крайне условном смысле, термин инфляция, но и здесь правильнее было бы просто говорить о срыве плана и не давать повода к отождествлению различного рода общественных отношений...